

№ 183. Воскресенье, 10 августа 1914 года.

ВТОРОЙ ГОДЪ ИЗДАНИЯ

№ 183. Воскресенье, 10 августа 1914 года.

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА въ доставкой и пересылной город-
скимъ и многогороднымъ подписчикамъ:

12 мѣсяцевъ	9 р. — к.	6 мѣсяцевъ	5 р. — к.
11 "	8 р. 60 к.	5 "	4 р. 25 к.
10 "	8 р. — к.	4 "	3 р. 50 к.
9 "	7 р. 25 к.	3 "	2 р. 75 к.
8 "	6 р. 50 к.	2 "	2 р. — к.
7 "	6 р. 75 к.	1 "	1 р. — к.

Въ сравненіи съ подписной цѣной прибавляется 1 р. въ мѣс.

Въ пересылку адреса 25 коп.

ДОПУСКАЕТСЯ РАЗРОЧКА: въ 2 срока:—5 р. и къ
1-му полу 4 р.; въ 3 срока:—4 р.; къ 1-му 3 р., и къ
1-му сентября 2 р.; въ 4 срока:—3 р., къ 1-му 3 р.,
къ 1-му сентября 2 р. и къ 1-му декабря 1 р.

ПОДПИСКА принимается только съ 1 числа кажд. мѣс.
КОНТОРА размѣщается въ Ростовѣ-на-Дону, по В.-Садо-
вой улицѣ, № 14, домъ Д. Ф. Мыльцина.

КОНТОРА открыта отъ 10 ч. утра до 8 ч. веч.

Телефонъ Главной Конторы № 36—73.

Въ розничной продажѣ № ГАЗЕТЫ—5 коп.

УТРО

ЕЖЕДНЕВНАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ, ОБЩЕСТВЕННАЯ и ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

РЕДАКЦІЯ размѣщается въ Ростовѣ-на-Дону, В.-Садовой
улицѣ домъ № 14, Д. Ф. Мыльцина.

Телефонъ редакціи 36-73. Тел. зав. объявлен. 37-55.

Редакція для личныхъ объясненій открыта отъ 12 до
2-хъ час. дня.

Непринятые рукописи редакціей не возвращаются.

ПЛАТА ЗА ОБЪЯВЛЕНІЯ:

Впередъ текста 20 коп. со строки полнаго
или мѣста, занимаемаго ею; позади текста 10 коп.
со строки полнаго или занимаемаго ею мѣста.

Въ иллюстрированномъ приложеніи стороннее сообще-
ніе—по особому соглашенію съ Главной Конторой.

Объявленія для газеты „Утро Юга“ въ Донской обл.
и Кавказа принимаются въ конторѣ „Л. и Э. Метцга
и К-о“ въ Москвѣ, С.-Петербургѣ, Варшавѣ, Вильнѣ,
Лодзи, М. Д. Турубинера, Москва 4-ая. Троицкая-
Ямская 29, С. И. Саболкина, С.-Петербурга. Л. Метцга
44, по тексты впередъ текста по 30 к., а позади по 15
15 коп. за мѣсто, занимаемое строкой полнаго и

Воспоминания об А. П. Чехове.

С. Бонне к 10-летию со дня смерти А. П. Чехова делится в польской книжке «Ежем. Журн.» воспоминаниями о покойном писателе:

— Антон Павлович Чехов около шести лет прожил в Ялте. С глубоким участием относился он к положению привержих туберкулезных больных. Много времени и теплых забот отдавал он этому большому вопросу. Им получалось огромное количество писем от инородных больных со всевозможными запросами и справками об условиях жизни в Ялте и окрестностях, как проехать дешевле, какие цены на продукты и т. д.

Количество писем все увеличивалось. Антон Павлович эту переписку частью передавал мне. Он помогал привержавшим больным в присылке квартир, в совете к кому обратиться за медицинской помощью.

По телефону он просил докторов Альтшуллера, Елизаровского, Бородулина и других принимать этих больных. Часто Чехов просил своих знакомых навещать особенно скучавших или слабых. Посылал и записки «лежачим» газеты и журналы. Большие денежные суммы собирал и вносил в кассу попечительства о привержих больных.

Встречая меня на набережной почти ежедневно, Чехов всегда спрашивал о здоровье больных, которых я навещала.

— «Как студент Юрганов? Скажите ему, что он поправится, непременно. Пусть приходит ко мне, сидеть в саду. Он может немного работать там. А как псаломщик, все-то же? Надо ему втолковать, что первое время все привержие скучают в Ялте, а потом привыкают. Пусть больше сидит на воздухе, на солнышке».

Антон Павлович умел чрезвычайно ободрить больного. Собирая деньги в кассу попечительства, он привлекал к этому и других, так, между прочим, он спросил меня:

— «С. П., что это Е. не показывается? Это время не делятельный: ничего не собирает. Хотя бы одно письмо написал кому-нибудь из своих знакомых, о денежной помощи больным».

— У него практика, — замечает А.

— «Какая у него практика? Практика у Василия Андреевича Бородулина, у Альтшуллера».

Однажды, проходя по набережной, я увидела Чехова, сидевшего на скамье у книжного магазина Синани. Он обратился ко мне:

— «Сегодня я был у Орлова (казначей благотворительного общества), у меня блеснула мысль, только держите ее в секрете. Видите, я думаю так: наибольшие дерутся, меньшие достаются. Наше благотворительное общество контролирует с. Б., а больные от этого страдают. Так вот мне пришла мысль: уделять часть средств благот. общества на санаторию Б. и поместить туда десять человек больных. С ней можно поговорить, к ней нужно поехать. Я бы поехал тогда к В. К. Милици Николаевичу просить его содейств. т. е. больше, что о ней говорить, что она прекрасная, чрезвычайно добрая женщина. Сказать это NN., — он это и слышать не хочет. У них свои причины для этого... А больной страдает... А больной кашляет... тихо прибавил Антон Павлович. Он был взволнован».

«Первое — блести интересы больного. Е. говорил, что нанять какой-то дом для больных. Я, сказал он, найду особу, которую надо посадить туда. А я ему говорю: «С. П. не пойдет туда — а больше нигде не найдется... С. П., видели вы фельдшерицу Федорову, как она, в каком состоянии?»

— «Ничего, лучше» — отвечаю Чехову.

— Это какие письма у вас? — Одно от Мошинского, что писал вам о Радине, другое от Юргановых мне, прочтите.

— «Напишите Мошинскому, чтобы не возил сюда больного, если нет надежды на выздоровление. Ему переждать будет мучительно... Лучше говорить ему, что он поправится немного, тогда поедет на юг. Заметьте напрасные страдания... Переждать странно подрывает силы больных... Безчеловечно со стороны врачей посылать в таком безнадежном положении больного умирать, хотя бы и на юг. Это безчеловечно... Дайте второе письмо. Ну, вот видите, вам пишут отец и мать. Это награда. Это лучшее diploma, о котором вы так сокрушаетесь», улыбаясь А. П.

— Это письмо следовало адресовать вам. Я исполнитель ваших поручений, — замечает А.

Чехов бывал ежедневно на почте и в магазин у Синани, приходил в город всегда пешком, часу в 10-м. Как-то он вошел в магазин и, увидя меня, поспешно сказал:

— «Я вас всюду ищу. Сейчас по телефону скажите Сергею Яковлевичу. (Елизаровскому), чтобы он поехал к Радину. Я занес ему новую книгу журнала. Он плох. Кажется, он умирает... Скажите мне, что скажет С. Я.» Я пошла телефонировать Е. Возвратившись, передала А. П.: Е. не может пойти к больному. Я вызвала доктора Канцеля к Радину, сейчас он зайдет в аптеку за камфорой и потом сюда. Мы с Канцеля поедим к Радину. Не довести ли нас? «Докуда?»

— До дома.

— «Доезжаете, я буду у Синани». Всю дорогу А. П. сокрушался о привержих больных в Ялте, а также по поводу того, что Радина привезли почти умирающего, и в силу этого перенесшего ужасные мучения.

Во время пребывания м. Худож. театра в Ялте, Антон Павлович просил дирекцию дать часть сбора одного из спектаклей попечительству о привержих больных. Его просьба была исполнена. А. П. получил 302 рубля. Он просил меня передать эти деньги казначею благотворительного общества, Орлову.

Однажды, увидя его на набережной с А. Л. Вишневым (артистом Худож. театра), я вручила ему квитанцию на эти деньги. — «Вручу Орлову, не доволен, что мало денег?» Что-то бурчал, ответила я. Вишневский обращается к Антону Павловичу: «А Софья Павловна сегодня нас благодарит, Константина Сергеевича и меня». — И еще благодарю вас, говорю я, на эти деньги десять человек месяцев проживут.

— «Они, «художники», общаются давай вечер в нашу пользу в Москве», замечает А. П. — Да, непременно дадим вечер, подтверждает Вишневский. «В историческом Музее?» — спросил Чехов. Да, там. «Они будут давать такие вечера для нас ежегодно», — замечает мне А. П. Да, ежегодно, утвердительно тоном говорит Вишневский. «Сколько я денег переносил в этом году казначею благот. общества. Буду посидеть пока вы не рассердитесь на меня», — обратясь ко мне сказал Антон Павлович. — Я рассержусь? — Ну, не вы, а ваше общество», — замечает он.

Чехов по моей просьбе посещал все лотереи в пользу попечительства наших больных, попечителем которых также был и он. Обыкновенно он сидел за чайным столом или за столом, где продавали

конфетти. В одну из лотерей ко мне подошла дама, К., и просила ее познакомиться с Чеховым. «Дайте сто рублей, познакомлю», — говорю ей. «Все, что есть в портмоне отдайте», — воскликнула К. «Я спрошу Чехова». Иду за разрешением. Посетил А. П. и разрешил. Попечительство от г-жи К. получило 65 рублей. Из ряда фактов сердечного отношения к больным характерно его отношение к больному Епифанову, маленькому журнальному работнику, кажется работавшему в «Развлечении». Чувствуя себя дурно, А. П. однажды зимой поручил мне навещать этого больного в приют хронических больных благотворительного общества. В крайне плохом состоянии нашла я больного. В мрачной, казарменной палате, на соломенном тонком тюфяке, лежал невероятно худой, в грязной фуфайке, человек, без голоса, почти умирающий... Наклонясь к нему, я спросила от имени Антона Павловича о его здоровье. «А. П. мой ангел... Я ему так благодарен... и только благодаря ему я живу... и теперь он платит за меня... не забывает меня... газеты мне присылает... молось за него... Страшный кашель прерывает Епифанова, надывая преваливающую грудь. «Мне бы доктора... по горловым болезням... говорят, Богданович очень хороший доктор... попросите Антона Павловича послать его... Не могу глотать... мне больно...» Его лицо искажала судорога плачущего человека. Он поднимал свои посиневшие полуживые руки с черными ногтями к глазам, чтобы вытереть слезы. Было ужасно.

Придя к А. П. я все рассказала ему. Он был сильно взволнован. «Здесь часто так умирают одинокие привержие больные». Чехов быстро ходил по кабинету, сильно сжимая свои руки. «Ах! Как здесь необходима санатория! Надо вырвать этих несчастных из рук этих людей, которые думают только о своих собственных дачах... Положение больных ужасно... Надо создать что-нибудь такое, что перед смертью их радовало бы. Что-нибудь очень хорошее... светлое, веселое. Чтобы был ласковый, добрый уход, не профессиональный... Плакать не надо, надо привыкать. Нужны силы. Много сил», — обратился ко мне А. П. Ужасна участь этих больных здесь, весьма часто заброшенных и одиноких... Давайте что-нибудь устроим. Только надо делать все самим. Деньги дадут. Но надо вырвать больных из рук этих людей... Надо все взять в свои руки...»

Чехов говорил с силой, волнением и с какими-то особыми нотами в голосе... Он продолжал быстро ходить от письмен-

ного стола к противоположному углу кабинета, не переставая волноваться и сжимать руки.

На следующий день Н. А. Синани сообщил мне, что утром Чехов вызвал Епифанова, а вчера поручил спросить меня, не поеду ли я с ним в приют хронических в 9 часов утра. Брать мне не пришлось, — было уже 11 часов. По телефону я спросила А. П. о Епифанове. «Плохо. Напрасно и звать. Ему очень трудно говорить». «Он очень жалок?» — спрашивала А. П. «Я к этому привык».

— Был холодно, звать вы поехали?

«Надо было, — это ничего».

Антон Павлович своего здоровья не жалел, не берегся, никогда не носил шапки и большей частью ходил без галстука. Иногда он направлял больных ко мне, предлагая мне помочь их устройству. Вспомню по этому поводу:

«Многоуважаемая Софья Павловна, родители сего Сергея Петровича Д... а я навещать к вам, будьте добры, поможете, как ему устроиться в Ялте на зиму. Он живет в своем распоряжении около рублей в месяц, стало быть квартира ему нужна не роскошная, около рублей на 20. Желаю вам всего хорошего. А. Чехов».

Участь больных болезненно трогала сердце Антона Павловича. Его вседневной заботой было, создать для них санаторию, которая отвечала бы всем требованиям современной науки, ей «последнего слова». Он хотел устроить санаторию по образцу заграничных, дать больным идеальный уход и к нему бодрее слово, тепло, искреннее, сердечное отношение, что хотя эти скрашивало бы их одиночество.

Къ прискорбю, этого Антону Павловичу осуществить не было суждено. По странной воле судьбы, ему, глубоко любимому России, пришлось окончить свою жизнь в бегах родины, вдали от любимых людей... Привелось перенести долгий трудный переход из любимой Москвы, на что у него так мало было сил... Ему пришлось пережить весь «преступный путь» агонии привержа больного, весь трагизм этого дела, а затем слабое сердце и — Благословенный... потому смерти.

О смерти Антона Павловича говорил так: «Я смерти боюсь лишь потому, что могу себя предать, что будет с теми, кто в первую очередь... Какая зутра... А что будет со мной, я знаю».

Комментарий

Бонье Софья Павловна (ок. 1852–1921) – знакомая Чехова по Ялте, вдова уфимского врача и земского деятеля Л.С. Бонье, член Ялтинского попечительства о нуждах приезжих больных, ялтинская домовладелица.

Воспоминания Бонье напечатаны в «Ежемесячном журнале» (1914. № 7. С. 67-69).

Альтшуллер Исаак Наумович (1870–1943) – ялтинский врач, лечивший Толстого и Чехова. Чехов жил у Альтшуллера в октябре 1898 года, до переезда на дачу Иловайской.

Елпатьяевский Сергей Яковлевич (1854–1933) – писатель и врач, народоволец. В конце 1890-х поселился в Ялте, встречался с Толстым, лечил Чехова.

Бородулин Василий Андреевич (?–1904) – ялтинский врач, занимался лечением туберкулеза, вел прием в водолечебнице А. Гурьян. Вместе с Чеховым участвовал в сборе пожертвований в пользу голодающих детей Самарской губернии.

Синани Исаак Абрамович (1855–1912) – владелец книжно-табачного магазина «Русская избушка», находившегося в здании гостиницы «Франция» на ялтинской набережной (дом не сохранился).

Орлов Федор Павлович (1844–1909) – первый известный ялтинский фотограф, гласный городской думы, казначей Благотворительного общества.

Епифанов Сергей Алексеевич (?–1899) – поэт, писатель-юморист, сотрудник журнала «Развлечение»; Чехов с 1898 г. выплачивал Епифанову пособие, а в 1899 г. на средства Чехова Епифанов был отправлен в Ялту для лечения, помещен в приют для хроников Ялтинского благотворительного общества, где вскоре умер.. О его смерти Чехов писал Горькому (письмо от 25 ноября 1899 года).